

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9

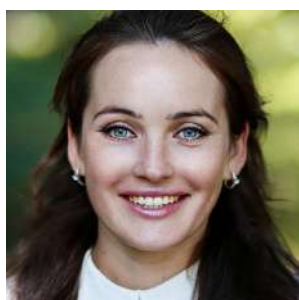
EDN: OEMWVC

Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу»¹

Ссылка для цитирования: Бараш Р. Э., Петухов Р. В. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9; EDN: OEMWVC.

For citation: Barash R. E., Petukhov R. V. Identity and historical memory of Russians in the context of confrontation with the “collective West”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9; EDN: OEMWVC.

AuthorID ПИНЦ: 595319

Бараш Раиса Эдуардовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

raisabarash@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 585300

Петухов Роман Владимирович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

petukhovrv@yandex.ru

Аннотация. Обращаясь к данным многолетних социологических исследований, авторы изучают влияние дискурсивного конструкта «коллективный Запад» на гражданскую идентичность и историческую память современного российского общества и исследуют динамику этих мировоззренческих установок общества общественного под влиянием внешнеполитической ситуации. «Коллективный запад» рассматривается в статье как стереотипная конструкция, имеющая свои основания не в эмпирической реальности, но в российском общественном мнении и политическом дискурсе. Проанализировав отечественную научную

¹ Исследование выполнено за счет средств Фонда Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) «FMUS-2023-0023 Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния коллективному Западу» в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

литературу, авторы выделяют три основных подхода к описанию «коллективного Запада»: социально-экономический и политический подходы, а также стратегию изучения организации частной жизни. Что позволяет соотнести черты, приписываемые дискурсивно сконструированному «Другому», с представлениями о «коллективном Западе», актуализированными в массовом сознании современных россиян. На основании социологических данных авторы резюмируют, что российская коллективная идентичность сочетает в себе как традиционно-самобытные, российские, так и западно-либеральные ценности. А вот в вопросах трактовки исторической памяти россияне настроены однозначно: несовпадение российской и западной трактовок прошлого воспринимается ими очень остро.

На протяжении длительной истории «коллективный Запад» выступал для России не только традиционным социокультурным и цивилизационным «Другим», в соотнесении с которым формировались черты коллективной идентичности граждан, но внешнеполитическим и даже геополитическим конкурентом. Отсюда – своеобразие, вплоть до противопоставления, трактовок событий прошлого и исторической памяти в России и за рубежом. «Перестроечная инерция» попыток примирения различных версий прошлого сменилась в 2000-х гг. резким антикоммунистическим дискурсом ряда восточноевропейских государств, их «разворотом» на Запад и растущей внешнеполитической изоляцией России. Что оживило и конфликт национальных исторических нарративов России и стран Запада, и это сегодня переживается российским обществом очень болезненно. Негативная трактовка событий советской истории, особенно касающаяся памяти о Победе в Великой отечественной войне, для российской исторической памяти абсолютно неприемлема. Реакцией на попытки пересмотра традиционных для российской национальной памяти трактовок отечественной истории является формирующийся в общественном мнении запрос на достоверное историческое знание. Желание многих современников сохранить устоявшуюся трактовку национальной истории связано не столько с опасением центробежных тенденций, как это было в 1990-е гг., сколько с их стремлением защитить историю своей семьи и семейную память.

Ключевые слова: идентичность, историческая память, прошлое, история, Запад

В российском публичном политическом дискурсе последнего десятилетия для обозначения неизменного конкурента России в любой ее ипостаси – «царской», «социалистической» и «капиталистической» [18, с. 180] часто используется концепт «коллективного Запада» [4], а представители политического руководства страны нередко заявляют, что «так называемый коллективный Запад во главе с США на протяжении десятилетий ведет себя в отношении России исключительно агрессивно»¹ и что «с нами воюет «коллективный Запад» во главе с ядерными Соединенными Штатами Америки»².

В научном сообществе сегодня также развернулась дискуссия о будущем изменении существующего миропорядка [2, с. 38–39], одним из элементов которого станет противостояние России и коллективного

¹ Путин В. В. Встреча с руководством Госдумы и главами фракций // [Kremlin.ru](http://kremlin.ru). 2022. 07.07. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68836> (дата обращения: 10.11.2023).

² Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова программе «Большая игра» на «Первом канале», Москва, 28 декабря 2022 года // [Mid.ru](http://mid.ru). 2022. 28.12. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1845915 (дата обращения: 10.11.2023).

Запада [26; 36, с. 5]. Хотя смысл категории «коллективный Запад» предельно умозрительен, его трактовка зависит от контекста, эта смысловая конструкция¹, противопоставляя российскую цивилизацию западной, выступает основанием довольно востребованной в современной России изоляционистской идеологии (по данным ФНИСЦ РАН, весной 2023 г. 82% россиян полагали, что политика России должна быть ориентирована не на Западные страны, а на развитие собственной российской государственности)².

Исторический контекст

Парадигма размышлений о российской идентичности через противопоставление России Западу, восходя к идеям почвенников и консерваторов XIX в., традиционно входит в базовый набор смыслов российской коллективной идентичности [25, с. 86]. Хотя выбор концептуальных оснований национального развития России исторически осуществлялся в рамках универсальной цивилизационной матрицы, имплицитно предполагая соотнесение с атрибутами не только западного, но и восточного (прежде всего, направленного на страны Восточной и Центральной Азии) вектора развития, в многолетних дискуссиях о путях России ключевым оставался вопрос о необходимости для страны именно западной, прежде всего европейской, модели модернизации [25, с. 9]. Отдельные попытки представить Россию «восточной» по культуре и образу жизни неизбежно сопровождалась ее сравнением с западной традицией, лишь укрепляя символическую связь России с европейским цивилизационным вектором развития [32].

На протяжении едва ли не столетия Запад выступал для России традиционным «Другим», в соотнесении с которым российская коллективная идентичность «воображала» собственные национальные черты «как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [1, с. 30], а интеллигенция определяла национальную идею [5, с. 90]. В досоветский период коллективным объектом проекции фобий и культурных смыслов для «этнического большинства» чаще других оказывались выходцы из Европы: немцы, поляки и евреи [22, с. 229]. Послереволюционная задача вписать советское государство в национальный исторический нарратив решалась преимущественно в логике западнической и прогрессистской «доминанты», хотя привлекались и «субдоминантные» смыслы из «почвеннического» репертуара [24, с. 32].

¹ Здесь и далее в тексте речь идет о дискурсивных конструкциях «Запада», «Востока», либеральных и традиционных ценностях, об условно понимаемых образах, которые, однако, будучи представлены в массовом сознании россиян оказывает влияние на мировоззрение и идентичность граждан

² Данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», выполненного в рамках реализации проекта № 20-18-00505 РНФ по приоритетному направлению деятельности РНФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», реализуемого в 2023–2024 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведенного в 2023 г. по общероссийской выборке (n = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

С середины XX века национальный политический дискурс был буквально центрирован вокруг образа Запада, рассматриваемого однозначно либо как партнер, либо как враг [41, с. 38]. Образ Запада учреждал сферу политического через разграничение внутренних и внешних атрибутов нации. После околорестроенного потепления отношения России с Западом к началу 2000-х гг. вновь стали напряженными.

Эскалацию изоляционистского дискурса российской исторической политики в 2000-е гг. А. Миллер связывает с прозвучавшими в то период резкими антикоммунистическими заявлениями лидеров многих восточноевропейских государств, в том числе постсоветских, и их попытками возложить ответственность за «преступления коммунизма» на Россию как преемницу СССР. Обострению отношений с западными странами, по мнению А. Миллера, способствовали и «цветные революции» 2003–2005 гг. в Грузии, Украине, Кыргызстане, а также размещение систем противоракетной обороны США на территории ряда центральноевропейских государств [42, с. 257–258].

Взятый российской властью в начале второго десятилетия XXI в. курс на внешнеполитическую изоляцию получил свое идеологическое оформление в концепции «уверенной демократии». А после «мюнхенской речи» В. В. Путина, где декларировалась необходимость «многополярного мира», риторика о России как «осажденной крепости», противостоящей в том числе врагам: «Находятся еще внутри страны те, кто “шакалит” у иностранных посольств, иностранных дипломатических представительств, рассчитывают на иностранные фонды и правительства, а не на поддержку своего собственного народа»¹, стала все чаще использоваться политическим руководством. В 2008 г. нараставшая внешнеполитическая напряженность достигла своего пика [6, с. 94]. А чуть позже, в 2013 г., в «Концепции внешней политики» в списке региональных приоритетов России США и Европу сменил единый Евро-Атлантический регион, что таким образом официально утвердило «коллективный Запад» в качестве оппонента российской дипломатии.

В 2014–2015 гг. в отношениях между Россией и западными державами наступил настолько резкий перелом, что многие эксперты поспешили заявить о начале «новой прохладной войны» [39]. А в 2022 г. нараставшая напряженность достигла трагического пика в прямой конфронтации России с Западом на Украине. Ответом на заявление президента США в феврале 2022 г., что России отныне будут противостоять США, страны-члены НАТО и их близкие партнеры², и последующее определение России самой серьезной угрозой безопасности союзников по НАТО³ стали уничижительные высказывания российского руководства в адрес «коллективного Запада» [4, с. 39].

¹ Путин В. В. Выступление на форуме сторонников Президента России // Официальный сайт Президента России. 2007. 21 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24713> (дата обращения: 11. 07.2023).

² Remarks by President Biden on Russia's Unprovoked and Unjustified Attack on Ukraine // Whitehouse.Gov. 2022. 24.02. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/24/remarks-by-president-biden-on-russias-unprovoked-and-unjustified-attack-on-ukraine> (дата обращения: 10.11.2023).

³ Vilnius Summit Communiqué // Nato.int. 2023. 11.07. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?utm_source=multichannel&utm_medium=smc&utm_campaign=230711%26vilnius%26summit%26declaration (дата обращения: 10.11.2023).

Концептуальные рамки исследования

Несмотря на несхожесть западных стран по ряду черт, в публичном пространстве символическая граница между западным и не-западным проводилась четко [29]. О. Ю. Малинова пишет, что в роли «Другого» для России неслучайно выступали не отдельные европейские народы-нации, а обобщенный образ Запада и Европы как некоторого «цивилизационного» целого [25, с. 11]: не только в силу насущных геополитических и социокультурных вызовов, стоящих перед страной, но и ввиду возможности для политического руководства оставить «за скобками» этнический плюрализм империи и представить культурно однородным то сообщество, которое вписывалось в существовавшее российское государство [43, с. 1]. И сегодня образ «коллективного Запада» нередко выступает в качестве ресурса поддержания интегральной общероссийской версии прошлого, «уравновешивающий» региональные и этнос-центристские исторические нарративы [19, с. 63].

Любопытно, что несмотря на драматичные изменения отношений России со странами Запада, российские граждане очень лояльны западным принципам общественного устройства и хотят жить в справедливо устроенном обществе, где признается верховенство закона и соблюдаются права человека [28].

В рамках настоящей статьи категория «коллективный Запад» понимается как дискурсивный концепт, как совокупность высказываний, подчиняющихся единой системе формирования [37, с. 209] описания гетеростереотипа¹ единого образа западных стран, в соотношении с которым конструируется [7, с. 281] коллективная идентичность российского общества. Содержательные атрибуты внутренне не дифференцированного образа «коллективного Запада» определяются ситуативно, исходя из политической конъюнктуры и целей участников политической коммуникации. Обращение к категории «коллективный Запад» сторонников преимущественно изоляционистских или консервативных политических взглядов для обозначения собственной идеологически ангажированной позиции в отношении той или иной ситуации, делает ее идеологемой, инструментом идеологически ангажированного объяснения повестки, частью определенного идейно-политического дискурса [40, с. 93] и в конечном счете борьбы за гегемонию смыслов. Гегемония дискурса, в том числе и изоляционистского, не навязывается как идеология, но артикулируется через систему социально-политических институтов и практик и, в случае своей актуальности, принима-

¹ Под гетеростереотипом мы понимаем сложившийся в некотором сообществе образ других этнокультурных или национальных групп как совокупности конкретных характеристик и оценочных суждений, описывающих эти группы и предъявляемые к ним ожидания. Гетеростереотипы, складываясь в результате позитивного или негативного опыта исторического взаимодействия, воплощают обобщенный и даже упрощенный образ описываемой группы, вплоть до сведения его к ограниченному набору положительных или отрицательных черт национального характера.

В настоящей статье под гетеростереотипом «коллективного Запада» подразумевается сложившийся в общественном мнении современных россиян обобщенный образ западных стран и их граждан.

ется и разделяется гражданами [28]. Под влиянием внешнеполитических обстоятельств и общественно-политической повестки изоляционистские идеи могут то приобретать, то терять популярность. Меняются и представления о значимых атрибутах образа «коллективного Запада». Тем более, что в отличие от проактивной внешнеполитической стратегии западных держав, прежде всего США, российская дипломатия формулирует свою позицию по ключевым вопросам международной повестки буквально на ежедневной основе, исходя из актуальных событий [8, с. 7].

Неслучайно современная активизация использования идеологемы «коллективного Запада» в российском общественно-политическом дискурсе обусловлена потребностью в образе многосоставного, коллективного, и одновременно единого в своих целях противника современной России, которому можно было бы дискурсивно противостоять, не рискуя критически испортить отношения с отдельными странами. Акцент на коллективности Запада в сегодняшних обстоятельствах указывает на неравность противостояния, в котором российское государство практически в одиночку противостоит альянсу множества стран [33, с. 14–15]. С одной стороны, такой способ восприятия противника, который почти всегда является многочисленным и сильным, традиционен для российского национального сознания [35, с. 22]. С другой стороны, положение российского государства на международной арене не было до сегодняшнего дня настолько отчужденным со времен первых лет установления Советской власти и Гражданской войны. Во Второй мировой войне СССР участвовал в антигитлеровской коалиции, а в Холодной войне – выступал лидером военного блока стран Варшавского договора и экономического блока «Совет экономической взаимопомощи» (СЭВ). Сегодня же международные партнеры и союзники Российской Федерации явным образом не заявляют о готовности безоговорочно ее поддержать.

Это позволяет предположить, что именно в сравнении с «коллективным Западом» как «Другим», как *Alter Ego* современной России могут проявиться значимые аспекты современной российской идентичности и исторической памяти. Тем более, что конструкт «коллективный Запад» лишен конкретных этнических и религиозных атрибутов, что сводит его смысловое содержание исключительно к культурным и цивилизационным особенностям.

В частности, данные Международного исследования ценностей (World Values Survey) не предоставляют эмпирических оснований для выделения пакета ценностей, которые могли бы служить основой для такого сложного социального объекта, как «коллективный Запад». Результаты этого исследования позволяют предположить существование четырех кластеров стран со схожим уровнем социально-экономического развития и соотношения традиционных и секулярных ценностей в массовом сознании. Когда-то Р. Инглхарт полагал, что во всех развитых индустриальных странах вследствие беспрецедентно высокого уровня экзистенциальной безопасности ценности выживания сменили ценности свободы самовыражения, толерантности, гендерного равенства и защиты окружающей среды [13, с. 30]. Однако данные многолетних наблюдений фиксируют, что

население западных стран неоднородно прежде всего в вопросе разделяемых ими ценностей и совсем не поддерживает однозначно секулярно-рациональные ценности. Например, в странах Северной Европы преобладают секулярно-рациональные ценности, а в США – традиционные. Экономическая развитость стран «коллективного Запада» объясняет преобладание в них ценностей самовыражения над ценностями выживания [13, с. 69–70].

В. С. Магун и М. Г. Руднев, анализируя данные «Европейского исследования ценностей» (EVS), убедительно доказывают, что между европейцами имеются существенные ценностные отличия, проходящие по оси «индивидуальное – социальное» (person vs social focus) [22, с. 336]. Исследуя данные о распределении респондентов по ценностным классам в европейских странах, авторы приходят к выводу, что «ценности жителей любой европейской страны представляют собой не уникальную и гомогенную «национальную культуру», а комбинацию нескольких групп людей с различными ценностями» [23, с. 339]. Но поскольку в массовом сознании стереотипы всегда формируются с упрощением [21], содержание идеологемы «коллективный Запад» обусловлено не столько социально-политическими реалиями, сколько их отражением в российском политическом дискурсе и общественном мнении.

В современной российской общественно-политической литературе можно выделить три основных направления описания «коллективного Запада»: социально-экономическое, политическое и личностное. В социально-экономическом контексте ключевыми характеристиками являются приверженность рыночному способу ведения хозяйства, а также высокий уровень космополитизма, консьюмеризма, индивидуализма и активизма [26, с. 46–47; 12, с. 12; 31, с. 1184; 29, с. 19; 2, с. 40; 9, с. 123]. Для политической интерпретации характерен выбор в качестве квалифицирующего признака либеральной демократии как способа политического устройства публичной власти, плюрализма мнений и верховенства прав человека, как ценности более важной, чем интересы государства [26, с. 26; 17, с. 114; 37, с. 9–10; 2, с. 41; 22]. Ключевыми особенностями третьего контекста является доминирование секулярных ценностей, ценностей формального этнического, культурного и гендерного равенства и свободы самоопределения [27, с. 65; 12, с. 12; 31, с. 1186; 30, с. 20].

Важнейшую роль в формировании представления о современной российской идентичности в ее сравнении с идентичностью «коллективного Запада» играет восприятие истории и особенности устройства исторической памяти, как концентрированного выражения ценностей общества.

Таким образом, в статье представлены некоторые результаты исследования своеобразия гражданской идентичности и исторической памяти россиян на современном историческом этапе, когда в общественно-политическом пространстве активно представлен дискурс противостояния страны и общества «коллективному Западу» как некоторому Другому, в сопоставлении с которым возможна национальная самоидентификация [10, с. 8]. Исследовательская гипотеза предполагает, что современная российская идентичность и историческая память формируются через противопостав-

ление гетеростереотипу «коллективного Запада». В качестве эмпирической основы исследования использованы данные массовых всероссийских социологических исследований, отражающих коллективные представления россиян о собственной национальной идентичности, цивилизационной принадлежности страны, ключевых социально-экономических и политических ценностях общества и национальной исторической памяти.

Проблематика идентичности относится к числу ключевых тем социальных исследований как непосредственно связанная с поиском ответа на фундаментальный социологический вопрос о том, как возможно общество [11, с 283]. Темы идентичности в своих работах касались З. Фрейд, Э. Гуссерль, К. Леви-Стросс, Ф. Бродель, А. Шюц, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Н. Луман, П. Бергер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, С. Хантингтон, Э. Эрикссон, М. Кастельс, Ф. Фукуяма и другие авторы. Проблематика российской идентичности исследовалась в работах Л. М. Дробижевой, В. А. Ядова, В. А. Тишкова, М. К. Горшков и др. Так, М. К. Горшков определил «национальную идентичность» как «предполагающую такую степень субъективного восприятия традиций, обычаев и норм, при которой действующий индивид не отделяет себя от той или иной социальной группы или общности, воспринимая все происходящее как имеющее отношение не только к нему лично, но и к определенному «Мы» [11, с. 286].

Эмпирической базой исследования являются данные многолетних всероссийских опросов граждан, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН и другими исследовательскими центрами.

Индивидуальная самоидентификация

Данные опроса, проведенный Институтом социологии ФНИСЦ РАН весной 2023 г.¹ показывают, что в 2023 г. почти для половины опрошенных россиян основным критерием коллективной идентификации является предельно абстрактный параметр общности взглядов на жизнь (см. рис. 1). Ощущение близости с людьми таких же взглядов на жизнь испытывают в значительной степени 46% респондентов, в некоторой степени – 47%, а ее ощущают такой близости всего 7% опрошенных. Среди более конкретных критериев самоидентификации выделяются общность интересов и увлечений (37% ощущают значительную близость) и профессиональная общность (36% ощущают значительную близость).

¹ Данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», выполненного в рамках реализации проекта № 20-18-00505 РФФ по приоритетному направлению деятельности РФФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», реализуемого в 2023–2024 гг. в ФНИСЦ РАН.

Общероссийский опрос населения проведен в мае 2023 г. методом личных интервью по выборке 2000 респондентов среди совершеннолетних граждан Российской Федерации. Выборка (N=2000) формировалась согласно данным Росстата в соответствии с половозрастной структурой населения РФ и репрезентировала население страны старше 18 лет по региону проживания, а внутри региона – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Возможная статистическая погрешность при таких принципах построения выборки в 2000 респондентов составляет не более 3%.

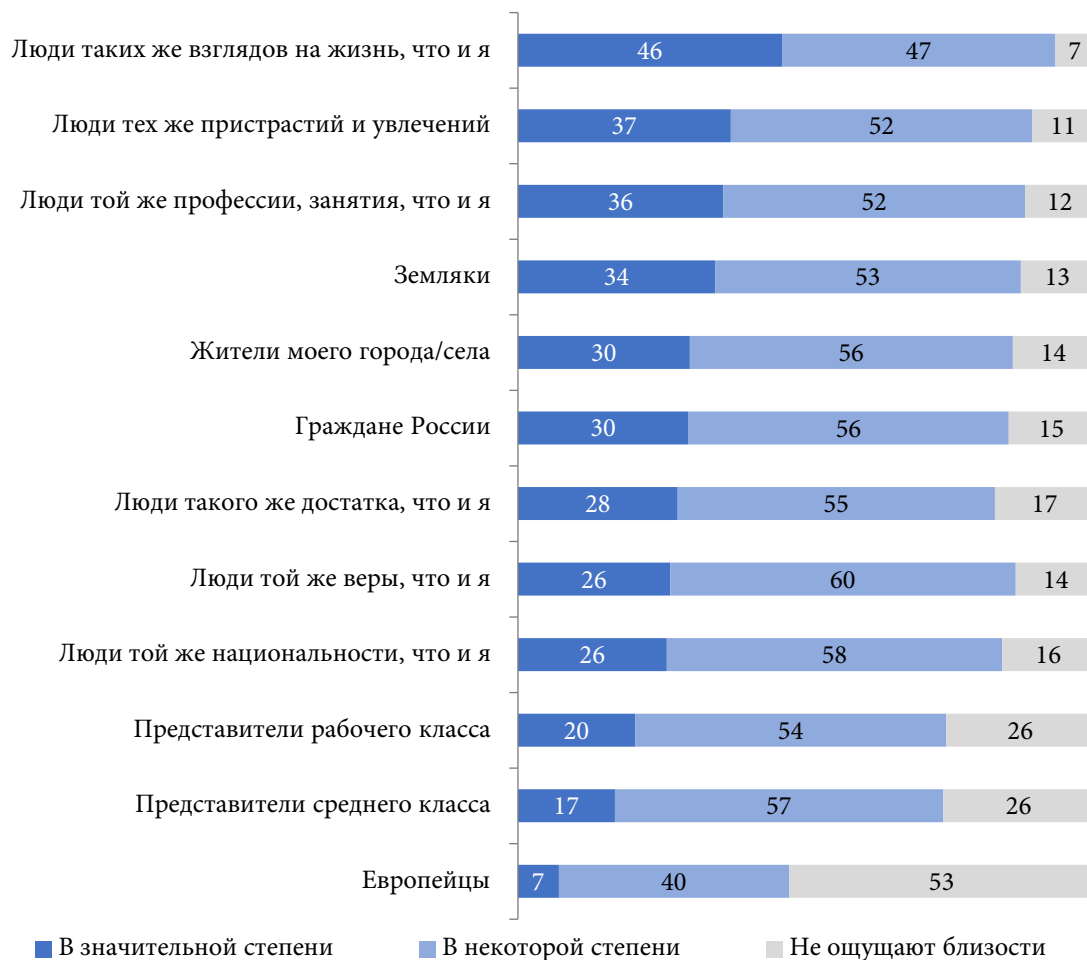

Рис.1. Ощущение близости с разными группами людей, 2023 г.,
 % (результаты ранжированы по варианту ответа «в значительной степени»)
Figure 1. Feelings of closeness with different groups of people, 2023,
 % (results are ranked according to the answer option “to a great extent”)

Самоидентификации на основании общности выполняемого дела немного уступает территориальная самоидентификация. Со своими земляками ощущают близость в значительной степени 34% опрошенных и в некоторой степени 53%, а не ощущают близости – 13% респондентов. Обращает на себя внимание то, что близость с гражданами России и близость на основе общего места жительства (города, села и т. д.) в значительной степени ощущают равные доли респондентов (по 30%). Близость к людям того же достатка, веры или национальности в значительной степени испытывают 28, 27 и 26% опрошенных соответственно, в некоторой степени – 55, 58, 55% соответственно. В свою очередь, ощущение близости к представителям рабочего или среднего классов характерна в значительности степени для 20 и 17% респондентов, а в некоторой степени – для 54 и 57%. Наконец, весной 2023 г. близость к европейцам в значительной степени испытывали лишь 7%, в некоторой степени – 40%, а не испытывали вовсе – 53% опрошенных. Приведенные данные позволяют представить устройство коллективной идентичности современных россиян в виде пирамиды, каждый из уровней которой представляет собой одно из оснований формирования ощущения близости с другими людьми (см рис. 2).

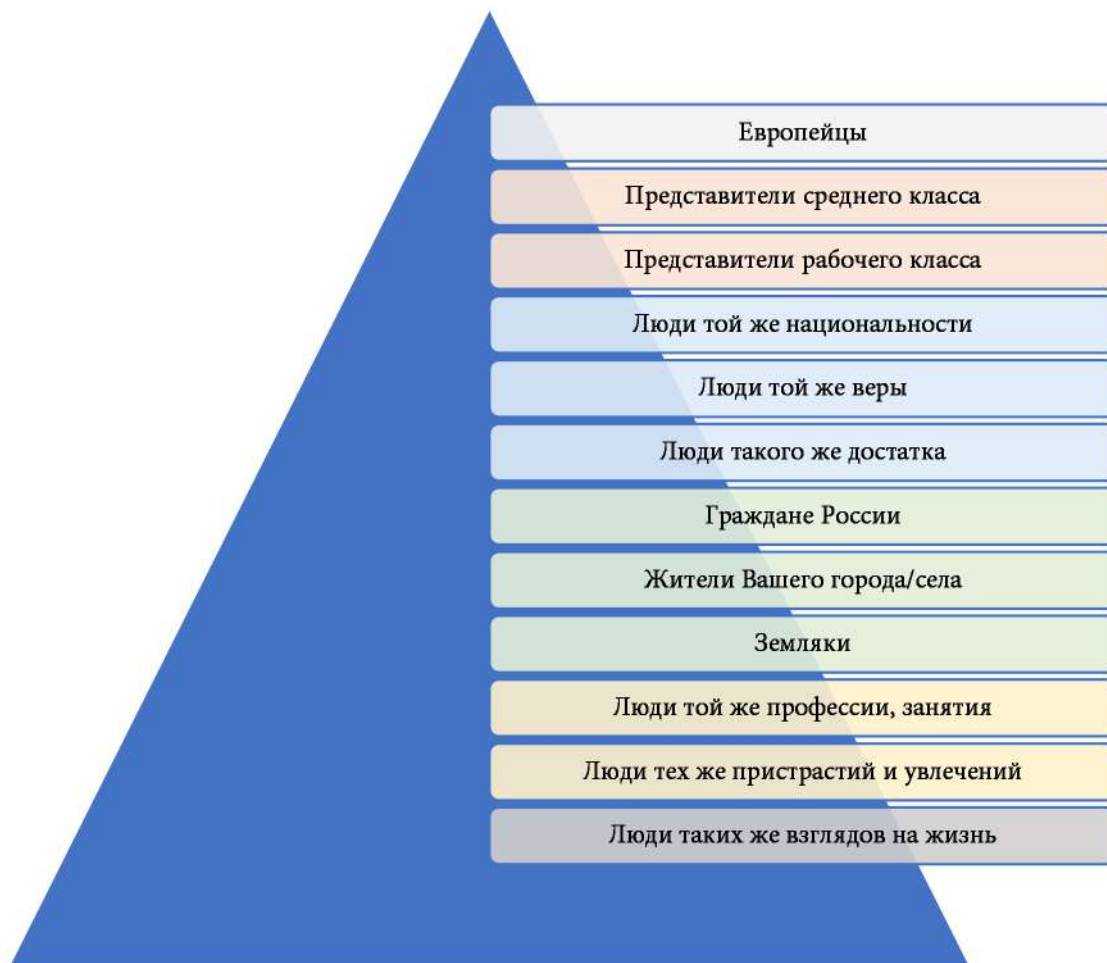

Рис. 2. Уровни коллективной идентичности современных россиян, 2023 г.

Figure 2. Levels of collective identity of modern Russians, 2023

Основанием этой «пирамиды» является самоидентификация с максимально широкими и абстрактными социальными группами, объединяющими людей на основании общих увлечений и профессий. Следующим является уровнем идентификации с сообществами людей, живущих вместе на одной территории, будь то отдельный населенный пункт или вся страна. Далее следуют близость на основании материального достатка, веры и национальности. На предпоследних уровнях находится классовая самоидентификация с пролетариатом или средним классом, которая носит явно вторичный характер. Наконец, на вершине пирамиды, которая в данном случае означает наименьший уровень востребованности находится европейская идентичность, о полном отсутствии которой заявляют 53% опрошенных.

Самоидентификация современной России в представлениях ее жителей

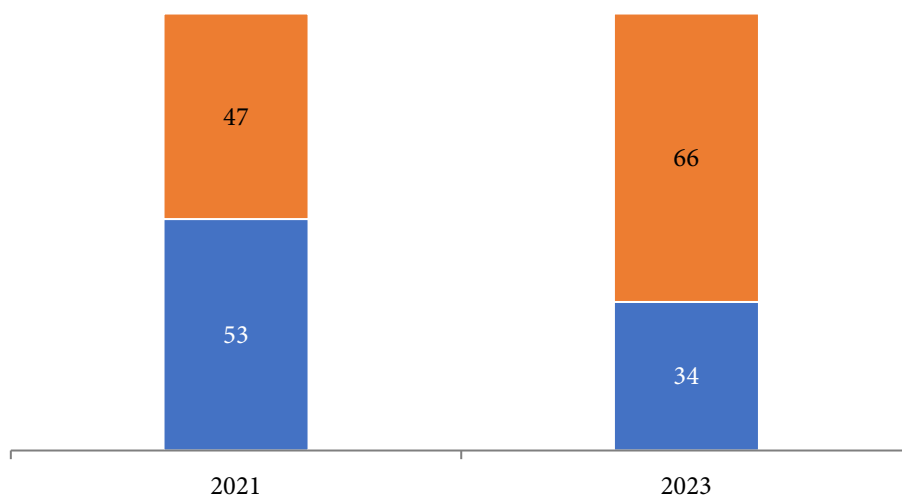
Представления россиян о ключевых составляющих собственной национальной идентичности тесно связаны с их оценкой места России на цивилизационной «карте мира». Социологические данные свидетельствуют, что на протяжении почти десятилетия большинство опрошенных

россиян считали Россию особой цивилизацией, где западный образ жизни никогда не утвердится. В годы наиболее острой конфронтации с западными странами, в 2014 и 2023 гг., так считали 3/4 всех опрошенных. В более спокойное время, в 2019 и 2021 гг., поддержка этой позиции снижалась, но все равно не опускалась ниже 65%. Соответственно, доля респондентов, полагающих, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны, колебалась в разные годы от менее чем 1/4 до 1/3 от общего числа опрошенных.

Данные опросов, проведенных в последние 9 лет, показывают, что большинство россиян не рассматривают свою страну как часть западной цивилизации по образу жизни и нормам поведения ее жителей, «отстраняясь» от стран Запада даже на уровне самоопределения. Естественно, сами граждане западных стран не рассматривают себя представителями «коллективного Запада», но они и не сомневаются в своей сопричастности западной цивилизации и культуре, как это делают россияне.

Судя по данным опросов, проведенных в 2021 и 2023 гг., среди россиян нет единодушного согласия в том, к какому «миру» относится их самобытная в цивилизационном смысле страна. Как видно из приведенного ниже рисунка, в «ковидный» 2021 г. соотношение между респондентами, относящими Россию к западному или восточному (евразийскому) миру, было в районе 50 на 50 (см. рис. 3).

В 2023 г., когда конфронтация с западными странами приобрела невиданный со времен Холодной войны накал, соотношение изменилось. Сегодня уже более 2/3 респондентов (66%) полагают, что Россия не является в полной мере европейской страной и постепенно будет усиливаться ее цивилизационное движение на Восток.

- Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток
- Россия – часть Европы. В 20 веке она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в 21 веке будет теснее всего связана именно с этим регионом мира

Рис. 3. Динамика изменения оценок принадлежности России к западному или восточному миру, 2021–2023 гг., %

Figure 3. Dynamics of change in assessments of Russia's belonging to the Western or Eastern world, 2021–2023, %

Совместное исследование ЦСП «Платформа» и Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ, проведенное в августе 2023 г. методами фокус-групповых дискуссий и экспертных интервью, продемонстрировало, что современные россияне полагают Россию самобытной цивилизацией (так заявили 64% респондентов). Втрое реже Россия кажется «смесью» восточной и западной культур без явных акцентов (на это указали 19% опрошенных). Заметно менее популярна идея однозначного отнесения России к западной или восточной культуре (на это указали лишь 5 и 4% участников соответственно и еще 9% затруднились ответить). Вместе с тем участники фокус-групп испытывали сложности с содержательным объяснением особенностей российской цивилизации кроме ее «промежуточного положения» между Западом и Востоком.

Возвращаясь к анализу данных, полученных ФНИСЦ РАН весной 2023 г., следует отметить, что респонденты заметно более единодушны в оценке возможных направлений выстраивания союзнических отношений с иностранными государствами. Подавляющее большинство опрошенных полагают, что союзниками России должны быть не европейские государства, а непосредственные соседи (см. рис. 4). При этом, с 2014 по 2023 гг. доля респондентов, согласных этой позицией, увеличилась на 10 п.п. с 73 до 83% соответственно. В свою очередь, поддержка сотрудничества с западными, прежде всего, европейскими странами сократилась с 27 до 17%.

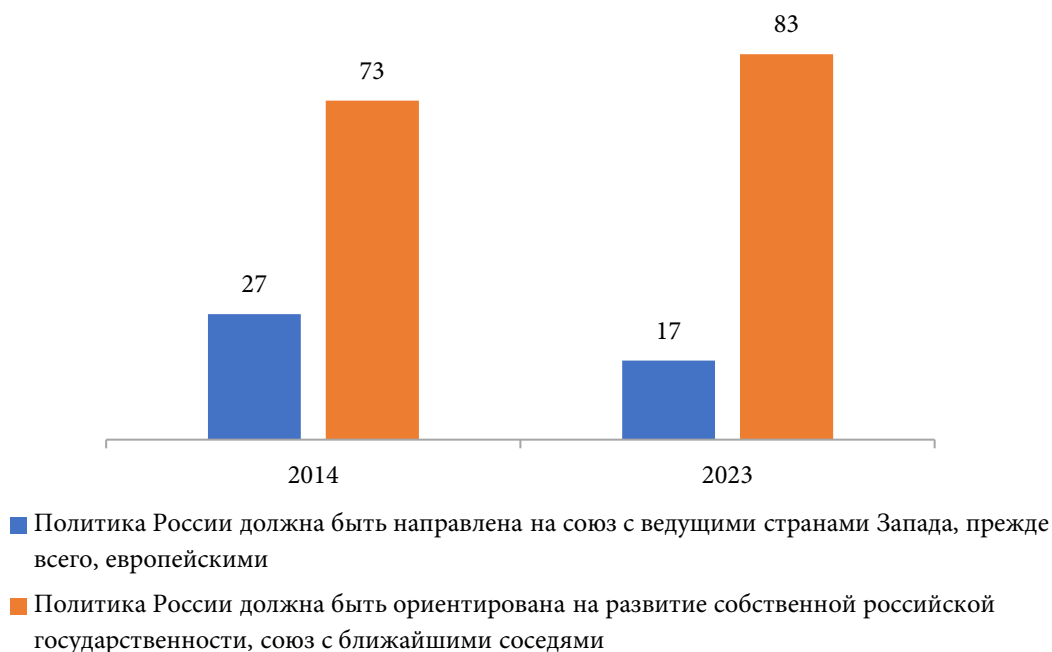

Рис. 4. Динамика изменения оценок направленности политики России в выстраивании союзных отношений, 2014–2023 гг., %

Figure 4. Dynamics of changes in assessments of the direction of Russia's policy in building alliance relations, 2014–2023, %

Из приведенных выше данных следует, что большинство опрошенных россиян не идентифицируют себя с Западным миром и не видит необходимости в выстраивании союзных отношений с ним. Респонденты пола-

гают, что Россия является особой цивилизацией, приоритетным вектором развития которой является восточное направление. «Поворот на Восток» пока слабо отрефлексирован российским обществом. В представлениях о нем доминирующее место занимает отказ от западной модели развития, но окончательного понимания того, чем она может быть заменена у россиян нет. Несмотря на то, что в последние годы много говорят о Китае, как о протагонисте западного мира, российское общественное мнение склонно его рассматривать экономического и военного союзника, но не как образец цивилизационного развития. При этом, на оценки части респондентов (их около 10%), влияет актуальный характер отношений с западными странами. В моменты обострения отношений они занимают условно провосточную позицию, а когда конфликтность снижается – опять склоняются в пользу Запада. Впрочем, субъективные оценки людей не являются достаточным основанием для определения степени близости идентичности современных россиян к западной культуре. Для понимания этого вопроса необходимо определить, насколько ценностные установки россиян совпадают или не совпадают с обозначенными выше ключевыми чертами граждан стран условного «коллективного Запада».

Ценностная идентификация в социально-экономической сфере

Как отмечалось выше, в качестве ключевых характеристик «коллективного Запада» в социально-экономической сфере мы выделили приверженность рыночному способу ведения хозяйства, а также высокий уровень космополитизма, консьюмеризма, индивидуализма и активизма. Посмотрим, насколько корреспондирующие этим характеристикам ценности актуальны для современных россиян. В приведенной ниже таблице (см. табл. 1) отражены ответы респондентов на вопросы, представляющие собой дилеммы, с помощью которых операционализируются приведенные выше характеристики «коллективного Запада» в социально-экономической сфере.

Из приведенных ниже данных видно, что ответы по каждому из «ценностных» вопросов распределились относительно равномерно: более чем половина опрошенных (62%) разделяют либеральные представления о важности формального равенства, хотя сторонников фактического равенства (равенство доходов) также довольно много (38%). В дилемме, предполагающей выбор между участием в жестокой борьбе за свое место под Солнцем и отказом от материального благополучия ради сохранения своих моральных принципов, респонденты разделились на две крупные группы (41 и 59% соответственно), хотя число принципиальных сторонников морали заметно выше. Космополитическую позицию, о том, что человек может жить в той стране, где ему больше нравится, разделяют 47%, а уверенных в том, что покинуть Родину нехорошо – 53%.

Таблица 1 (Table 1)

Ценностные суждения по вопросам социально-экономической сферы, 2023 г., %
Value judgments on socio-economic issues, 2023, %

С каким из нижеприведенных суждений Вы согласны в большей степени?	2023
Рыночная экономика	
Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни	62
Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей	38
Современный мир жесток, чтобы выжить и преуспеть, необходимо драться за свое место в нем, а то и переступить через некоторые нормы морали	41
Вы лучше не достигнете материального благополучия и не сделаете карьеру, но никогда не перешагнете через свою совесть и моральные нормы	59
Космополитизм	
Человек может жить в той стране, где ему больше нравится	47
Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать	53
Консюмеризм	
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	65
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	35
Индивидуализм	
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	45
Личные интересы – это главное для человека	55
Чтобы чего-то важного добиться следует действовать сообща, вместе с другими, у кого те же проблемы	50
Чего-либо существенного добиться, отстаивать свои интересы можно только, рассчитывая на свои собственные силы	49
Активизм	
Чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	53
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	47

Отношение к ценностям индивидуализма и коллективизма также делит опрошенных россиян на две примерно равные группы. С утверждением о том, что люди должны ограничивать свои интересы ради страны и общества согласны 45% респондентов, а противоположный по смыслу тезис о том, что личные интересы являются главными для человека, поддерживают 55% опрошенных. Вместе с тем, 53% опрошенных полагают необходимым активно бороться за свои права и интересы, а 47% – считают лучшей стратегией избегание борьбы и приспособление к реальности.

Наибольший дисбаланс наблюдался при выборе между свободой и материальным благополучием, который мы рассматриваем как индикатор распространенности потребительских (консюмеристских) ценностей. Для большинства опрошенных россиян (65%) свобода, а не материальное благополучие является смыслом жизни. С приоритетом материального достатка над свободой согласны 35% опрошенных, что не так уж и мало.

Таким образом принятие и непринятие ценностей, корреспондирующих с такими характеристикам «коллективного Запада», как приверженность рыночному способу ведения хозяйства, космополитизм, консюмеризм, индивидуализм и активизм, распределяются среди опрошенных примерно одинаково. Так что минимум по социально-экономическим вопросам значительная часть российского общества продолжает идентифицировать себя с теми ценностями, которые в российском научном дискурсе принято ассоциировать с «коллективным Западом».

Ценностная идентификация в политической сфере

Данные исследований ФНИСЦ РАН позволяют понять, насколько созвучны современным россиянам политические ценности, связанные с такими характеристиками «коллективного Запада», как приверженность либеральной демократии, разделению властей и правам человека. Ниже представлены ответы респондентов, отражающие согласие с суждениями, позволяющие выявить их политические ценности (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Ценностные суждения по политическим вопросам, 2023 г., %
Value judgments on political issues, 2023, %

Вы согласны со следующими высказываниями?	Согласны	Не согласны
Либеральная демократия		
Каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения	86	14
Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	79	21
Предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать	73	27
Если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, их свободу следует ограничить	66	34
Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказывать ему помощь в работе	63	37
Люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права	55	45
Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства	50	50
Готов пойти на значимые жертвы ради интересов своей страны	45	55
Права человека		
Для обеспечения государственных интересов в некоторых случаях возможны ограничения прав отдельных индивидов	68	32
Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	63	37
Права человека должны преобладать над интересами государства	55	45
Интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека	54	46

В отличие от социально-экономических ценностей отношение россиян к политическим ценностям менее однозначное, а иногда явно противоречивое. Так, с одной стороны, подавляющее большинство опрошенных (86%) соглашались с тем, что каждый человек должен иметь возможность отстаивать свои права и интересы, в том числе и тогда, когда они противоречат мнению большинства. Это ценностное суждение коррелируется с представлением о современной демократии как политической организации, позволяющей учитывать интересы как большинства, так и меньшинства.

Одновременно, большинство респондентов демонстрируют приверженность идее сильного государства. Так, по мнению 79% опрошенных, государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности. Национализацию предприятий, наносящих ущерб государству, считают допустимой 74%, а на ограничение свободы массовой информации, если она нарушает интересы государства, согласны 66% респондентов. По мнению 63% опрошенных, оппозиция должна не критиковать власть, а помогать ей. С тем, что люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права, согласны 55% респондентов, но на значимые жертвы ради нее готовы идти 45% опрошенных. Наконец, 50% респондентов полагают, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства.

Рассуждая о соотношении интересов личности и государства, сегодня большинство россиян (55%) выбирают либерально-демократический подход, предполагающий примат прав человека над любыми другими правами и интересами. Но когда речь заходит не о правах и свободах абстрактного человека, а о правах конкретного, отдельно взятого индивида, то 54% респондентов полагают, что они должны быть подчинены интересам государства. С возможностью ограничения в некоторых случаях прав людей во имя интересов государства согласны 68% опрошенных. В тоже время 63% полагают, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций.

Мнение россиян в отношении политических ценностей, ассоциируемых с «коллективным Западом», менее гомогенно, чем в вопросе его социально-экономических ценностей. Очевидно, что большинство опрошенных отводят государству основное и даже доминирующее место в политической жизни общества и готовы предоставить ему большую свободу действия. Но и отказываться от своих прав и интересов россияне не готовы. Более того, многие респонденты ставят их выше интересов государства и потенциально готовы к их отстаиванию с помощью забастовок и демонстраций. Это позволяет нам сделать вывод о том, что политические ценности, которые обычно приписываются «коллективному Западу», на данный момент сохраняют значимость для значительной части россиян, признающих важность государства, но не готовых отказываться ради него от своих выгод.

Историческая память

Хотя в мировоззрении многих россиян симпатии идеям национальной самобытности сочетаются с либеральными установками, несовпадение России со странами Запада в вопросах трактовки прошлого ощущается очень остро. С середины 2000-х гг. Россия по вопросам интерпретации прошлого находится в состоянии конфронтации со странами Балтии и с Польшей, а с 2014 гг. – и с Украиной. Негативная трактовка советского прошлого властями восточноевропейских государств, в том числе и постсоветских, касающаяся и памяти о Победе в Великой Отечественной войне, базирующаяся на уравнивании коммунизма и нацизма для российской исторической памяти была абсолютно неприемлема [21, с. 189–190]. Восточноевропейская трактовка событий второй половины XX в. не только противоречила образу России как члена антигитлеровской коалиции, но была абсолютно противоестественна для российской национальной памяти и истории многих российских семей.

В России же сохранилось уважительно-ностальгическое отношение ко временам СССР и многие реминисценции советского времени воспринимаются гражданами положительно [7, с. 126]. «Точкой сборки» памяти о советском наследии является память о Победе в Великой Отечественной войне, которая консолидирует российское общество, выступает основанием национальной гордости и коллективной исторической памяти общества. Данные ФНИСЦ РАН 2023 г. свидетельствуют, что Победа в Великой Отечественной войне (ею гордятся 70% респондентов) и послевоенное восстановление страны (56%) на протяжении всего двадцатипятилетнего периода наблюдений (с 1998 г.) находятся в основании матрицы национальной гордости.

На протяжении почти трех десятилетий в число лидеров национальной гордости входят достижения выдающихся отечественных деятелей искусства и культуры, в том числе и советского периода, (46%) и полет в космос Юрия Гагарина (39%). Для еще 27% опрошенных в 2023 г. россиян гордятся достижениями советских и российских спортсменов. Таким образом в авангарде национальной гордости современных россиян – символы советского исторического наследия, что отражает высокую консолидирующую значимость советской мифологемы для российской гражданской идентичности.

Второй по значимости блок событийных символов исторической гордости россиян связан с современной российской армией (27% ею гордятся), ее достижениями, а также с военным авторитетом России и Советского Союза, а также с недавними событиями: присоединением Крыма (31%) и вхождением в состав Российской Федерации ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (13%).

Третий по значимости, «периферийный», блок событий-символов гордости отечественной истории представлен хронологически отдаленными, но содержательно знаменательными вехами российской государственности, которые респонденты не считают первостепенно важными для национального прошлого, но и не спешат предавать забвению. Это царствование российских самодержцев (12%), освобождение в 1861 г. крестьян от крепостного права (7%), Октябрьская революция (6%), православные мученики и святые (5%).

Но эти очень условно значимые вехи прошлого страны кажутся современным россиянам более важными, чем этапы становления «новой России», которыми россияне совсем не спешат гордиться. В 2023 г. буквально единицы участников опроса называли в числе поводов национальной гордости период Перестройки и гласности времен М. С. Горбачева (3%), а также переход России к рыночной экономике при Б. Е. Ельцине (4%). Невысока в 2023 г. была и доля тех, кто гордился ликвидацией «железного занавеса» между Россией и остальным миром в 1990-е гг. (7%). И, если в середине 1990–2000-х гг. национальной историей времен президентства М. С. Горбачева – Б. Н. Ельцина гордились буквально единицы граждан (1–4%), то в тот же период сближение с западными странами конца 1980-х гг. воспринималось гораздо положительнее, чем сегодня: и в 1998 г., и в 2007 г. «разворотом на Запад» гордились 14% россиян, что вдвое выше, чем в 2023 г.

Многие из тех, кто застал время надежд на «перезагрузку» отношений с Западом, с ростом внешнеполитической изоляции России и дипломатической напряженности разуверились в этом. Но это – старшие поколения россиян. А вот российская молодежь, разделяя гордость за славное советское наследие, более космополитична, респонденты в возрасте 18–30 лет чаще других признаются в том, что они гордятся ликвидацией «железного занавеса» между Россией и остальным миром в 1990-е гг. (10%), переходом России к рыночной экономике периода Б. Ельцина (5%).

В целом же ностальгия о советском прошлом – органичная часть коллективной идентичности россиян. Так, в числе самых популярных у россиян праздников находятся прежде всего «унаследованные» от советских времен Новый год (его в 2020 г. в числе самых важных для себя праздников назвали 86% респондентов), День Победы (71%), 8 марта (46%), 23 февраля (36%). А вот новые, постсоветские праздники у россиян пока не слишком популярны. Лишь 6% россиян к числу значимых памятных дат отнесли День России (12 июня), 5% – День семьи (8 июля), 3% – День народного единства (4 ноября). Это меньше популярности даже идеологически окрашенных советских праздников 1 мая (11%) и 7 ноября (4%) [16, с. 71].

Память о советском прошлом, несомненно, поддерживается государством, как ресурс национальной консолидации и источник символической ренты власти [18, с. 206]. Прошлое становится естественным ресурсом изобретения традиции «единой России» [18, с. 335]. Национальная история – всегда проекция политики в прошлое, однако после создания в 2009 г. Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории и учреждения в 2020 г. подразделения Следственного Комитета РФ по расследованию преступлений, связанных с фальсификацией истории Отечества, в России память о прошлом предъяснялась не как многообразие фактов, общественных дебатов и исторических образов, но как безоговорочное свидетельство [17, с. 335].

Вместе с тем многолетние наблюдения ФНИСЦ РАН свидетельствуют об особенной значимости семейной памяти как ресурса памяти исторической и гражданской идентичности россиян. В 2020 г. треть опрошенных (32%) получали информацию о российской истории из воспоминаний и рассказов своих родственников, ориентировались при поиске информации о прошлом

страны на историю своей семьи. Изустная семейная память – третий по популярности источник исторического знания после исторических художественных (45%) и документальных (40%) фильмов [16, с. 91]. Более серьезные источники исторической информации: академическая историческая литература, архивные сведения, музейные архивы менее востребованы.

И хотя память большинства российских семей ограничена двумя ближайшими поколениями родителей, бабушек и дедушек (в 2020 г. 60% признавались, что знают об обстоятельствах жизни самых близких родственников), их память об участии членов семьи в военных действиях Великой Отечественной войны всеобъемлюща. В 2023 г. точно знали об участии своей семьи в общем деле Победы 85% опрошенных граждан, еще 8% были информированы о неучастии родственников¹. И лишь 7% ничего не знали о том, воевали ли их родные.

Поэтому для большинства россиян День Победы – в первую очередь семейный праздник, и семейная память о судьбе родных и близких в военное время, их участие в общем деле Победы естественным образом консолидирует и коллективную идентичность, и историческое самосознание российского общества.

В условиях напряженных отношений с Западом многие россияне истолковывают исторические события через семейную память, отсюда – их категорическое неприятие западной антисоветской трактовки истории, особенно, когда речь идет о Великой Отечественной войне. В 2023 г. большинство опрошенных россиян (57%) считали, что от трактовки исторических событий зависит будущее страны, и поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение. Доля тех, кто полагал, что жить нужно настоящим и будущим, а прошлое оставить историкам и архивистам, была меньше – так считали 43% участников опроса. Уверенность россиян в необходимости защищать национальную версию прошлого возрастает по мере их взросления: так полагают 43% молодых людей младше 30 лет и 70% респондентов старше 66 лет (см табл. 3.). Собственная память многих пожилых россиян о событиях советской истории составляет основание их идентичности и пересматривать ценности собственной жизни они не готовы. А молодежь, в свою очередь, знает и помнит рассказы родителей, бабушек и дедушек о советском прошлом, воспринимая попытки их пересмотра негативно, хотя и не так резко, как пожилые очевидцы.

К слову «денацификация», обозначенная руководством страны как важная задача СВО, апеллирует к базовой мировоззренческой и этической парадигме советского общества о недопустимости возрождения нацизма и фашизма, увязывает настоящее с семейной памятью о войне и таким образом мобилизует российское общество в том числе и на борьбу за память о подвиге самых близких людей.

¹ Данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», выполненного в рамках реализации проекта № 20-18-00505 РФФ по приоритетному направлению деятельности РФФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», реализуемого в 2023–2024 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведенного в мае 2023 г. по общероссийской выборке (n = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Таблица 3 (Table 3)

**Отношение россиян разных возрастов к прошлому
и трактовке исторических событий, 2023 г., %**
*Attitudes of Russians of different
ages to the past and interpretation of historical events, 2023, %*

	Все опрошенные	18–30	31–40	41–50	51–65	Старше 66
От трактовки исторических событий во многом зависит будущее нашей страны. Поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение	57	43	52	59	62	71
Нельзя слишком много внимания уделять прошлому, его политизировать. Нужно больше думать о настоящем и будущем, а прошлое оставить историкам и архивистам	43	57	48	41	38	29

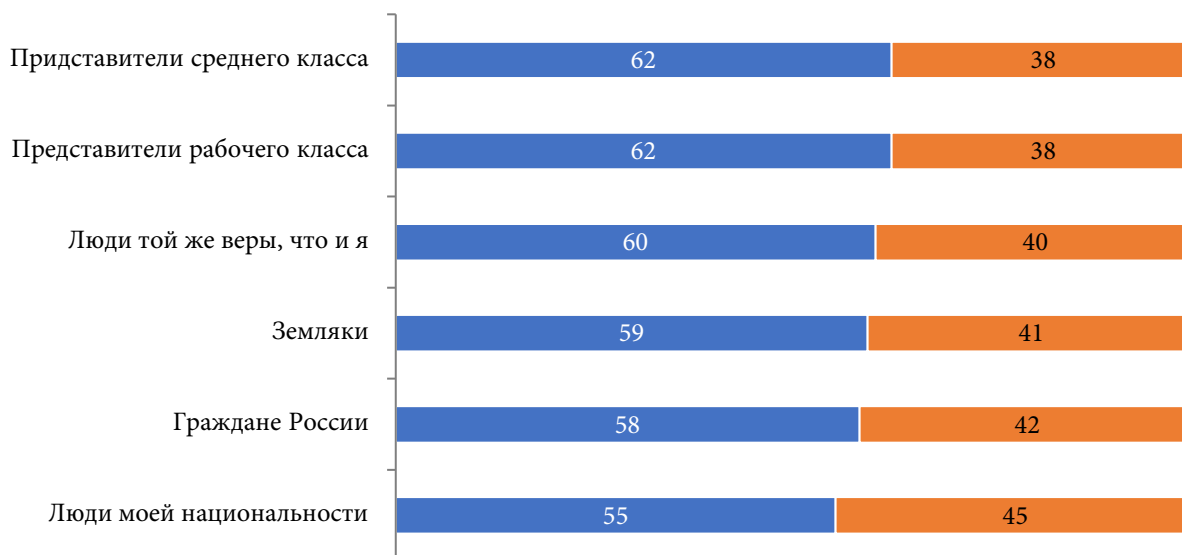
Идея «борьбы за прошлое» более других популярна среди сторонников как консервативной, так и социалистической стратегий развития России: более ее других поддерживают, с одной стороны, респонденты, которые хотели бы сохранения в России сильных национальных традиций, моральных и религиозных ценностей (64%), сильной власти, обеспечивающей в порядок в стране (61%), а также статуса великой державой мира (59%). А с другой – сторонники воплощения в будущей России идей обеспечения социальной справедливости (60%) и ограничения социальных неравенств (60%).

А вот россияне, которые хотели бы для России либеральных преобразований, соблюдения прав человека, принципов демократии и свободы личности в большинстве своем также поддерживали идею «борьбы за прошлое» (56%), но немало среди них было и тех, кто полагал важным сосредоточиться на настоящем и будущем (45%). Возможно, однако, что готовность либерально настроенных россиян побороться за честную трактовку национальной истории отражает формирующуюся среди них реакцию на актуальную консервативную переоценку таковой. Впрочем, доля тех, кто испытывает гордость за страну периода конца 1980-х гг., откровенно невелика (всего 3%) и их запрос на пере-переоценку истории не отражает массовых общественных настроений. Тогда как симпатии к западной модели развития страны, в том числе принципам рыночной экономики и активным партнерским отношениям с Западом, больше характерны для тех, кто избегает пристального внимания к истории и политизации прошлого (52% и 54%).

О «компенсаторно консервативном» характере запроса многих россиян на достоверное историческое знание после его либерального переосмотра в 1990-е гг. говорит и то, что реже всех о необходимости защищать историческое прошлое заявляют сторонники русского национального государства, «России для русских», большинство среди которых (56%) выступает против излишнего внимания к истории. Тогда как обычно правонационалистический дискурс сопряжен с постколониальной интенцией

пересмотра истории, когда имперская логика интерпретации прошлого заменяется его этноцентрической версией, а история рассказывается как история конкретного народа, этнической группы.

Актуальный же консервативный запрос на историческое охранительство далек от националистического и менее популярен среди россиян, ощущающих сильную близость с людьми своей национальности («мы – люди одной национальности»). Но более распространен среди тех, кому близка их социальная или даже профессиональная группа («мы представители рабочего / среднего класса»), хотя и пользуется определенной популярностью среди адептов региональной («мы – земляки», 59%) и конфессиональной солидарности («мы – люди одной веры», 60%). Если среди тех, кто в значительной степени ассоциирует себя с людьми своей национальности, идею значимости для будущего страны актуальных трактовок истории поддерживают 55%, то среди носителей левой идеи и классовой солидарности этот показатель выше (62% (см. рис. 5).

- От трактовки исторических событий во многом зависит будущее нашей страны. Поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение
- Нельзя слишком много внимания уделять прошлому, его политизировать. Нужно больше думать о настоящем и будущем, а прошлое оставить историкам и архивистам

Рис. 5. Отношение носителей различной идентичности к прошлому и трактовке исторических событий, 2023 г., %

Figure 5. Attitude of bearers of different identities to the past and interpretation of historical events, 2023, %

Попытки переоценить события российской истории советского и даже имперского периода расцениваются многими гражданами современной России как оскорбление не только национальной, но и семейной памяти. Отсюда – ориентация на защиту исторической памяти в первую очередь сторонников национального суверенитета страны, считающих Россию особой цивилизацией (59%), не являющейся в полной мере европейской страной (61%), чьим внешнеполитическим приоритетом должен быть союз с ближайшими соседями, а не ведущими странами Запада (59%) (см. рис. 6).

- От трактовки исторических событий во многом зависит будущее нашей страны. Поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение
- Нельзя слишком много внимания уделять прошлому, его политизировать. Нужно больше думать о настоящем и будущем, а прошлое оставить историкам и архивистам

Рис. 6. Отношение к прошлому и трактовке исторических событий адептов различных стратегий будущего России, 2023 г., %

Figure 6. Attitude to the past and interpretation of historical events of adherents of different strategies of Russia's future, 2023, %

А вот среди прозападно настроенных россиян, которые, несмотря на прямой конфликт России с Западом, гордятся периодами «потепления» отношений между ними, доминирует мнение, что важнее собственное национальное настоящее и будущее, а не проработка прошлого. Большинство тех, кто гордится переходом к рыночной экономике во времена президентства Б. Н. Ельцина, считают, что нельзя слишком много внимания уделять прошлому (58%). Тех, кто готов защищать «историческую правду» во имя национальных интересов в этой группе заметно меньше (42%).

Интересно распределились мнения в отношении стратегий работы с прошлым среди тех россиян, кто гордится периодом ликвидации «железного занавеса» между Россией и остальным миром в 1990-е гг. Более половины из них (53%) хотели бы оставить прошлое историкам, но немногим меньше среди них тех (47%), кто выступает за отстаивание исторической правды. Что неудивительно: ключевые события российской истории, связанные в первую очередь с советским прошлым исключительно важны как основания национальной идентичности в том числе и для прозападно настроенных граждан, и к их пересмотру в логике современной западной пропаганды они не готовы.

Заключение

Проведенный анализ данных многолетних социологических опросов позволил изучить влияние на идентичность и историческую память современных россиян дискурсивно сконструированного образа «коллективного

Запада» и резюмировать, что в мировоззрении многих современников сочетаются симпатии идеям национальной самобытности и некоему условно понимаемому традиционализму с ориентацией на западный образ жизни и либеральные ценности.

С одной стороны, на протяжении почти десятилетия большинство россиян полагают свою страну особенной цивилизацией, отличной от Запада. Популярность этой точки зрения возростала в годы наиболее острого противостояния с западными странами в 2014 и в 2023 гг. И в массовом сознании россиян пока не сформировалось представление об альтернативе западному вектору для цивилизационного развития России: восточные державы, в первую очередь Китай, воспринимаемый сегодня скорее как экономический и геополитический союзник, но не как «ролевая модель».

С другой стороны, многие россияне имеют вполне западные взгляды на социально-экономические и политические вопросы и не желают жертвовать собственным благополучием ради коллективных или государственных интересов.

Сегодня две эти условные ценностные системы уравновешены в массовом сознании россиян и не имеют доминирующего превосходства друг над другом. Этот баланс придает современной российской идентичности сложный характер. С одной стороны, такой баланс постоянно находится под угрозой разрушения, что может привести к социальным конфликтам между носителями разных ценностей. С другой стороны, ценностная вариативность придает российскому обществу свойство уникальной адаптивности, позволяющее ему использовать сильные стороны как традиционной, так и западной системы ценностей. Более того, именно такое представление о самобытности российской цивилизации находит большую поддержку у большинства российских граждан.

Но если в мировоззренческих основаниях коллективной идентичности сочетаются симпатии идеям национальной самобытности и либеральные установки, то несовпадение России со странами Запада в вопросах трактовки прошлого ощущается очень остро. Длительное внешнеполитическое противостояние со странами Запада времен «Холодной войны» еще в советский период задавало общую «рамку» своеобразия, вплоть до противопоставления трактовок событий прошлого и исторической памяти в России и на Западе. Но тогда борьба за трактовку прошлого воспринималась как часть конкуренции идеологий. Чувствительным «исторический вопрос» в отношениях с Западом стал, когда к перманентным «войнам памяти» России со странами Балтии и Восточной Европы, добавилось противостояние с постсоветскими государствами, перенявшими негативную трактовку советского прошлого. Что оказалось противоестественно не только для российской национальной памяти, сохранившей уважительно-ностальгическое отношение ко временам СССР, но и для исторической памяти многих российских семей. Столковывая исторические события и прошлое страны в целом через семейную память, многие россияне категорическое не приемлют западную антисоветскую трактовку истории, особенно, когда речь идет о Великой Отечественной войне.

Попытки переоценки события российской истории советского и даже имперского периода воспринимаются многими гражданами современной России как оскорбление не только национальной, но и семейной памяти. Отсюда – формирующийся сегодня общественный запрос на достоверное историческое знание. Желание многих из них сохранить устоявшуюся трактовку национальной истории связано не столько с опасением центробежных тенденций, как это было в 1990-е гг., сколько со стремлением сохранить и защитить от пересмотра свою семейную память.

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
2. Бабаев К. В. Глобальный цивилизационный конфликт XXI в. и роль России // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 6(75). С. 36–47. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_36; EDN: SZZRPA.
3. Балацкий Е. В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 4. С. 42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3; EDN: LOGPEF.
4. Балашова Л. В. Идеологема «коллективный Запад» сквозь призму антропоморфной метафоры // Политическая лингвистика. 2022. № 5(95). С. 24–39. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_02; EDN: VQYOIF.
5. Бараш Р. Э. Фигура «Другого» как значимая составляющая российской/русской идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1(107). С. 90–99. EDN: OQMGHJ.
6. Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или Как возможна научная теория протеста // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 91–105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105; EDN: USFXTB.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум. Academia-Центр. 1995. 323 с.
8. Бобров А. К. Концептуальные основы внешней политики России. М.: Аспект-Пресс, 2021. 221 с.
9. Бродовская Е. В., Склярова Н. Ю., Огнев А. С. Критика концепции футурошока в контексте суверенизации национальной системы образования и воспитания // Человеческий капитал. 2023. № 10(178). С. 118–127. DOI: 10.25629/HC.2023.10.11; EDN: ROUEVV.
10. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16. EDN: MXKAMB.
11. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики. В 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.

12. Журавлева С. М., Иванов А. В. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание нового объединения Евразии // Вестник Московского ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2016. № 1. С. 7–20. EDN: UOFURN.

13. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С. Лопатиной, М.: Мысль, 2018. 347 с.

14. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Ред. М. К. Горшков. М.: Весь Мир. 2022. 248 с.

15. Калинин И. А. Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 4(78). С. 330–339. EDN: VPJSVP.

16. Калинин И. А. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 2(88). С. 200–214. EDN: VPOSOR.

17. Карабущенко П. Л. «Кроличьи норы» карнавальной политической культуры элит современного коллективного Запада // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2(67). С. 109–116. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116; EDN: IJHXTV.

18. Карпович О. Г., Закаурцева Т. А. Россия и «коллективный Запад» в контуре формирующегося многополярного мира // Вестник Российской нации. 2017. № 5(57). С. 180–191. EDN: YOFPUK.

19. Касьянов Г. В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: НЛО, 2019. 632 с.

20. Купрюшин А. П. Демократия «коллективного запада», как основа коррупции // Вестник ВИАЭСУ. 2022. № 4. С. 50–55. EDN: FUTNAI.

21. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. Барчуковой. М.: Ин-т ФОМ, 2004. 384 с.

22. Литвин А. Немец-Враг: предисловие к публикации документов // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 229–242.

23. Магун В. С., Руднев М. Г. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / Ред. К. Ю. Рогов. М.: НЛО, 2021. С. 325–353. EDN: LIOTPG.

24. Малинова О. Ю. Дискурс о России и «Западе» в 1920–1930-х годах: попытки преодоления коллективной идентичности в новой системе координат // Космополис. 2008. № 2. С. 32–53. EDN: QYTCDP.

25. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. 189 с.

26. Мартынов Б. Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? М.: ИЛА РАН, 2015. 172 с.

27. Мишучков А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник ОренГУ. 2015. № 3(178). С. 65–71. EDN: UFZIBF.

28. Морозов В. Е. Запад без кавычек // Свободная мысль. 2009. № 11(1606). С. 47–60. EDN: TTMGRL.
29. Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛЮ, 2009. 651 с.
30. Морозов И. Л. Футурологические концепции Фрэнсиса Фукуямы и Элвина Тоффлера как идеологическое обоснование западного цивилизационного экспансионизма // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 6(107). С. 18–23. DOI: 10.24158/пер.2022.6.2.
31. Муравых А. И., Никитенко Е. Г. Агония коллективного Запада // Вопросы политологии. 2022. № 4(80). С. 1181–1189. DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.022; EDN: GTORIL.
32. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Литвинова, И. Пильщикова. М.: Новое Изд-во, 2004. 336 с.
33. Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. / Ред. А. В. Голубев. М.: ИРИ РАН, 1998. 334 с.
34. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59. EDN: LLSYRD.
35. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
36. Тимофеев И. Н. Россия и коллективный Запад: новая нормальность: рабочая тетр. № 32/2016. М.: НП РСМД, 2016. 36 с.
37. Феофанов К. А. Тенденции международного развития в условиях пандемии // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 7–21. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51474; EDN: JVVXGR.
38. Фуко М. Археология знания / Пер. с франц. М. Раковой, А. Серебрянниковой. СПб.: Гуманит. академия, 2004. 416 с.
39. Худолей К. К. Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная»? // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 6(106). С. 10–22. EDN: XOTGBL.
40. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта. Наука, 2006. 256 с.
41. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 35–67.
42. Miller A. I. The Turns of Russian Historical Politics, from Perestroika to 2011 // Miller A. I., Lipman M. A. (eds) The Convulsions of Historical Politics. CEU Press, 2012. P. 7–32.
43. Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. L.-N. Y.: Routledge, 1996. 272 p.

Получено редакцией: 10.09.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бараш Раиса Эдуардовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Петухов Роман Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9

Identity and Historical Memory of Russians in the Context of Confrontation with the “Collective West”¹

Raisa E. Barash

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

e-mail: raisabarash@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5899-973X

Roman V. Petukhov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

e-mail: petukhovrv@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0940-9315

For citation: Barash R. E., Petukhov R. V. Identity and historical memory of Russians in the context of confrontation with the “collective West”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 4. P. 147–175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9; EDN: OEMWVC.

Abstract. Basing on the data of long-term sociological research, the authors study the influence of the construct “collective West” on the civic identity and historical memory of modern Russian society and investigate the dynamics of these attitudes of public society under the influence of the international political situation. “Collective West” is considered as a stereotypical construct founded on Russian public opinion and political discourse. The authors identify three main approaches to the description of the “collective West”: socio-economic and political approaches, as well as the strategy of studying the organisation of private life. This allows us to correlate the features attributed to the discursively constructed “Other” with the ideas about the “collective West” actualized in the mass consciousness of modern Russians. The authors summarize that the Russian collective identity combines both traditional-self, Russian, and Western-liberal values. But Russians are unambiguous when it comes to the interpretation of historical memory: they acutely perceive the discrepancy between Russian and Western interpretations of the past.

The “collective West” has acted for Russia not only as a traditional socio-cultural and civilizational “Other”, but also as geopolitical competitor. Hence this is the peculiarity of interpretations of past events and historical memory in Russia and abroad. The “perestroika inertia” of attempts to reconcile different versions of the past was replaced in the 2000s by a sharp anti-communist discourse of a number of Eastern European states, their “turn” to the West and Russia’s growing external isolation. This revitalized the conflict between the national historical narratives of Russia and Western countries, and this is very painful for Russian society today. Negative interpretation of the events of Soviet history, especially of the memory of the Victory in the Great Patriotic War, is absolutely unacceptable for the Russian historical memory. Russian people react to the attempts to revise the traditional interpretations of Russian history with the demand for reliable historical knowledge. People attitude to preserve the established interpretation of national history is related not to the fear of decentralization tendencies, as it was in the 1990s, but to their desire to protect the history of their families and family memory.

Keywords: identity, historical memory, past, history, West

Reference

1. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Transl. from Eng. by V. Nikolaev. Moscow, Kanon-Press-C: Kuchkovo Pole, 2001: 286 (in Russ.).

¹ The research was carried out at the expense of the Fund of the Expert Institute for Social Research (EISR) “FMUS-2023-0023 Identity and historical memory of Russians in the conditions of confrontation with the collective West” at the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

2. Babaev K. V. Global Civilizational Conflict of the 21st Century and the Role of Russia. *Problemy nacionalnoj strategii*, 2022: 6(75): 36–47 (in Russ.). DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_36.
3. Balatsky E. V. Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: Accumulation of Global Contradictions. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2022: 15(4): 42–59 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3.
4. Balashova L. V. The Ideologeme of the “Collective West” Through the Prism of Anthropomorphic Metaphor. *Politicheskaya lingvistika*, 2022: 5 (95): 24–39 (in Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_02.
5. Barash R. E. Figura “Drugogo” kak znachimaya sostavlyayushchaya rossijskoj/russkoj identichnosti [The Figure of the “Other” as a Significant Component of Russia’s/Russian identity]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialny'e peremeny*, 2012: 1(107): 90–99 (in Russ.).
6. Barash R. E., Antonovsky A. Y. A Study of Social Movements From the Systemic Communication Standpoint: is a Scientific Theory of Political Protest Possible? *Filosofskiy zhurnal*, 2018: 11 (2): 91–105 (in Russ.). DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
7. Berger P., Lukman T. Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge. Transl. from Eng. by E. Rutkevich. Moscow, Medium. Academia-Centr, 1995: 323 (in Russ.).
8. Bobrov A. K. The Conceptual Foundations of the Foreign Policy of Russia. (in Russ.). Moscow, Aspect-Press, 2021: 221 (in Russ.).
9. Brodovskaya E. V., Sklyarova N. Yu., Ognev A. S. Critics of the Concept of Future-Shock in the Context of the Sovereignization of the National Education and Upbringing System. *Chelovecheskiy kapital*, 2023: 10(178): 118–127 (in Russ.). DOI: 10.25629/HC.2023.10.11.
10. Gadzhiev K. S. Nacional'naya identichnost': konceptual'nyj aspekt [National Identity: Conceptual Aspect]. *Voprosy filosofii*, 2011: 10: 3–16 (in Russ.).
11. Gorshkov M. K. Russian Society as it is: Experience of Sociological Diagnostics. In 2 Vol. Vol. 1. Moscow, Novyj Hronograf, 2016: 416 (in Russ.).
12. Zhuravleva S. M., Ivanov A. V. Eurasian Civilizational Identity as the Ideological Basis of the New Unification of Eurasia. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, 2016: 1: 7–20 (in Russ.).
13. Inghart R. Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world. Transl. from Eng. S. Lopatina. Moscow, Mysl', 2018: 347 (in Russ.).
14. Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement). Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Ves' Mir, 2022: 248 (in Russ.).
15. Kalinin I. Boi za istoriyu: proshloe kak ogranichennyj resurs [Fights for History: the Past as a Limited Resource]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2011: 4(78): 330–339 (in Russ.).
16. Kalinin I. A. Proshloe kak ogranichennyj resurs: istoricheskaya politika i ekonomika renty [The past as a Limited Resource: Historical Politics and the Economics of Rent]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2013: 2(88): 200–214 (in Russ.).
17. Karabuschenko P. L. «Rabbit holes» of the Carnival Political Culture of the Elites of the Modern Collective West. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2021: 2(67): 109–116 (in Russ.). DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-109-116.
18. Karpovich O. G., Zakaurtseva T. A. Russia and the “Collective West” in the Contours of the Emerging Multipolar World. *Vestnik Rossijskoj nacii*, 2017: 5(57): 180–191 (in Russ.).
19. Kasyanov G. V. Ukraine and its Neighbors: the Historical Politics. 1987–2018. Moscow, NLO, 2019: 632 (in Russ.).
20. Kupryushin A. P. Democracy of the “Collective West” as the Basis of Corruption. *Vestnik VIESU*, 2022: 4: 50–55 (in Russ.).
21. Lipman U. Public opinion. Transl. from Eng. T. Barchukova. Moscow, In-t FOM, 2004: 384 (in Russ.).
22. Litvin A. Nemets-Vrag: predislovie k publikacii dokumentov [German-Enemy: preface to the publication of documents]. *Ab Imperio*, 2001: 4: 229–242 (in Russ.).
23. Magun V. S., Rudnev M. G. Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology. Dismantling Communism. Thirty years later. Ed. K. Yu. Rogov. Moscow, NLO, 2021: 325–353 (in Russ.).

24. Malinova O. Y. Diskurs o ovayai “Zapade” v 1920–1930-h godah: popytki preodoleniya kollektivnoj identichnosti v novej sisteme koordinat [Discourse about Russia and the “West” in the 1920–1930s: Attempts to Overcome Collective Identity in a New Coordinate System]. *Cosmopolis*, 2008: 2: 32–53 (in Russ.).
25. Malinova O. Y. Rossiya i “Zapad” v XX veke: transformaciya diskursa o kollektivnoj identichnosti. Moscow [Russia and the “West” in the 20th century: transformation of the discourse on collective identity]. Moscow, ROSSPEN, 2009: 189 (in Russ.).
26. Martynov B. F. “West” and “Non-West”: Past, Present... Future?. Moscow, ILA RAN, 2015: 172 (in Russ.).
27. Mishuchkov A. A. Traditional Values in a Globalizing World. *Vestnik OrenGU*, 2015: 3(178): 65–71 (in Russ.).
28. Morozov V. E. Zapad bez kavyчек [West without quotes]. *Svobodnaya mysl'*, 2009: 11(1606): 47–60 (in Russ.).
29. Morozov V. E. Rossiya i Drugie: Identichnost' i Granicy Politicheskogo Soobshchestva [Russia and Others: Identity and Boundaries of Political Community], Moscow, NLO, 2009: 651 (in Russ.).
30. Morozov I. L. Futurological Concepts of Francis Fukuyama and Alvin Toffler as an Ideological Justification for Western Civilizational Expansionism. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo*, 2022: 6(107): 18–23 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2022.6.2.
31. Muravykh A. I., Nikitenko E. G. The Agony of the Collective West. *Voprosy politologii*, 2022: 4(80): 1181–1189 (in Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2022.80.4.022.
32. Neumann I. Using the “Other”: Images of the East in the formation of European identities. Transl. from Eng. V. Litvinov, I. Pilschikov. Moscow, Novoe Izd-vo, 2004: 336 (in Russ.).
33. Rossiya i Zapad: Formirovaniye vneshnepoliticheskikh stereotipov v soznanii rossiyskogo obshchestva pervoy poloviny XX v. [Russia and the West: Formation of foreign policy stereotypes in the consciousness of Russian society in the first half of the 20th century]/ Coll. Monograph; ed. Golubev A. V. Moscow, IRI RAN, 1998: 334 (in Russ.).
34. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. Identity in the Coordinate System of World Development [Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2010: 3: 40–59 (in Russ.).
35. Senyavskaya E. S. Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the “image of the enemy” in the consciousness of the army and society [Protivniki Rossii v voynah dvadtsatogo veka: Evolyuciya “obraza vruga” v soznanii armii i obshchestva], Moscow, ROSSPEN, 2006: 288 (in Russ.).
36. Timofeev I. N. Russia and the collective West: the new normal: workbook. Moscow, NP RSMD, 2016: 36 (in Russ.).
37. Feofanov K. A. Trends in International Development in a Pandemic. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 2020: 6: 7–21 (in Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51474.
38. Foucault M. Archeology of knowledge. Transl. from Fr. M. Rakova, U. Serebryannikova. St. Petersburg, Gumanit. akademiya, 2004: 416 (in Russ.).
39. Khudoley K. K. Russia and the West: the second “cold” or the first “cool”? *Rossiya v global'noj politike*, 2020: 18: 6(106): 10–22 (in Russ.).
40. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], Moscow, Flinta, Nauka, 2006: 256 (in Russ.).
41. Schmitt K. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. *Voprosy sociologii*, 1992: 1: 1: 35–67 (in Russ.).
42. Miller A. I. The Turns of Russian Historical Politics, from Perestroika to 2011. In Miller A. I., Lipman M. A. (eds) *The Convolutions of Historical Politics*. CEU Press, 2012: 7–32.
43. Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London-New York: Routledge, 1996: 272.
44. The article was submitted on: September 10, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Raisa E. Barash, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

Roman V. Petukhov, Candidate of Law Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS